

„МУРАВЕИ“

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

С.-Петербургъ.
1875.

Отъ Халаата до Аму-Дарьи.

(Выдержка изъ дневника, веденнаго въ Хивинскомъ походѣ 1873 г.)

Нѣсколько дней, проведенныхъ на Халаата, оставили едва ли не самое скверное воспоминаніе въ нашемъ отрядѣ за все время хивинскаго похода.

Какъ ни были тяжелы переходы по сыпучимъ пескамъ Кызыль-кумъ и Джаманъ-Кумъ *), какъ ни дурна была горько-соленая вода степныхъ *Кудуковъ* **), которой мы утоляли свою жажду въ теченіи почти двухъ-мѣсячнаго похода, все это было ничто въ сравненіи съ испытаннымъ нами на Халаата.

*) Кызыль-Кумъ, по-киргизски значить *красный песокъ*; Джаманъ-кумъ—дурной песокъ.

**) Кудукъ, по-киргизски—володезь, козаны.

Представьте себѣ неглубокую котловину, расположенную среди необозримой песчаной равнины, почти лишенной растительности, а въ срединѣ этой котловины небольшой округленный холмъ, внутри каменистый, снаружи прикрытый толстымъ слоемъ песка. Съ одной стороны холма, у подножія крутаго склона, небольшая пещера въ сажень глубины, со дна которой выбѣгаетъ наружу ключъ чистой прѣсной воды. Толстый, старый кустъ *гребенщика* да ива приютились надъ входомъ въ пещеру и осѣнили ручей, влага котораго бережетъ ихъ убогую, одинокую жизнь отъ мертвящаго зноя пустыни. Водоросли покрыли камешки ручья и зелень этихъ немногихъ живыхъ растеній представляетъ глубокой контрастъ съ сѣрожелтымъ колоритомъ безжизненной, убогой страны.

Пробѣжавъ нѣсколько десятковъ сажень, ручей, не смотря на силу струи, исчезаетъ въ песокъ. Какъ будто и его пугаетъ страшная степь и, ненадѣясь одолѣть ее, онъ снова прячетъ свою живительную влагу въ нѣдра земли.

На противоположномъ склонѣ холма незатѣйливые, но оригинальные, глиняные памятники прикрывали прахъ нѣсколькихъ правовѣрныхъ, застигнутыхъ въ расплохъ смертью на пути въ ужасной пустынь. Между этими памятниками была и могила

святаго, по имени котораго названо урочище Халаата. Казалось бы Халаата, обильная живой текущей прѣсной водой—сулила необходимый отдыхъ усталымъ путникамъ. На дѣлѣ вышло иначе, и не рады мы были даже прѣсной водѣ. Апрельъ былъ на исходѣ, жары съ каждымъ днемъ усиливались. Послѣ прохладной ночи, съ восходомъ солнца температура быстро возрастала, а къ полудню песчано-глинистая почва раскалялась до того, что босой ногой нечего было и думать ступить на нее. Даже привычные степные кони и тѣ отказывались ѣсть ячмень, и стояли, какъ сонные, истомленные удушдивымъ, палящимъ жаромъ. Только верблюды, эти уродливые организмы пустыни, повидимому не чувствовали страшнаго жара; какъ тѣни бродили они по нѣскольکو верстѣ вокругъ лагеря, отыскивая убогія высушенныя зноемъ растенія степи, изъ которыхъ самыми лакомыми эти корабли пустыни находятъ *комочку* или *верблюжью траву*. Но не этотъ жаръ и необычайная сухость воздуха были причиной нашихъ мученій на Халаата. Часовъ въ 10 утра поднимался сильный вѣтеръ, который дулъ затѣмъ все остальное время дня и значительную часть ночи. Этотъ вѣтеръ, сухой и жгучій, самъ по себѣ невыносимый, поднималъ со степи цѣлыя тучи раскаленнаго песка, такія густыя, что среди дня, при

безоблачномъ небѣ, солнце казалось въ туманѣ и за три, за четыре версты ничего не было видно кругомъ. Раскаленный песокъ сѣкъ немилосердно лицо и руки, набивался въ глаза, въ уши. всюду куда можно и вызывалъ зудъ въ кожѣ и безъ того уже сильно воспаленной сухимъ горячимъ вѣтромъ.

Почти не было возможности выйдти изъ кибитки; да и тамъ сидѣть оказывалось не лучше.

Какъ бы плотно не укрыта была кошмами кибитка, песокъ проникалъ въ малѣйшія щелочки и садился слоємъ на все, что тамъ было. Песокъ былъ всюду: и въ водѣ, которую приходилось пить, и въ пищѣ, и на столахъ, и на насъ самихъ. Уши и глаза сильно страдали отъ него. Нельзя было открыть рта, чтобы потомъ песокъ не скрипѣлъ на зубахъ. Словомъ, жизнь въ этомъ песчаномъ ураганѣ была сущей каторгой для насъ. Мы не умѣли себѣ объяснить отчего эти песчаные ураганы не встрѣчались нигдѣ въ другихъ мѣстахъ пройденной нами степи и составляли несчастную особенность Халаата. Какъ ни тяжело было намъ физически терпѣть эту песчаную баню, не менѣе того насъ мучила нравственно полнѣйшая неизвѣстность будущаго пути. До Халаата дорога степями была извѣстна, частью по движеніямъ нашихъ обходныхъ отрядовъ въ прежніе годы, частью нашимъ проводникамъ киргизамъ

и посланнымъ отъ бухарскаго эмира; о пути отъ Халаата до Аму-Дарьи не знали ровно ничего достовѣрнаго ни одинъ человѣкъ. Сколько верстъ до этой желанной рѣки? Есть ли вода на пути?— вотъ вопросы, мучительно тревожившіе всѣхъ и каждого въ отрядѣ въ эти тяжелые дни, — вопросы, на которые не было отвѣта. Одни говорили, что до Аму-Дарьи всего восемь, десять верстъ, по другимъ слухамъ было тутъ около ста верстъ, наконецъ третьи опредѣляли это разстояніе въ сто шестьдесятъ верстъ. Говорили, что на пути есть колодцы Адамъ-Кырылганъ; по другимъ слухамъ они будто занесены пескомъ и въ нихъ нѣтъ ни капли воды. Кому было вѣрить? Да и самое названіе колодцевъ (о которыхъ упоминаетъ Вамбери въ своемъ путешествіи) Адамъ-Кырылганъ, въ переводѣ *погибель человека*, не предвѣщало добраго.

Верблюды отряда были сильно изнурены продолжительнымъ и тяжелымъ путемъ, безкормицей и недостаткомъ поѣды, — на каждомъ переходѣ падали они десятками и число ихъ уменьшалось съ каждымъ днемъ. Положеніе наше было такое, что будь переходъ до Аму-Дарьи въ сто шестьдесятъ верстъ и безъ воды, — отряду не дойти бы до рѣки. Или цѣликомъ легъ бы онъ весь отъ истощенія и жажды, или, еслибы дошелъ, то не безъ громадныхъ

потерь, обезсиленный, безъ провіанта и боевыхъ средствъ, съ рискомъ погибнуть уже на рѣкѣ отъ голода, такъ какъ до жилыхъ мѣстъ осталось по ней пройти еще добрыхъ двѣ сотни верстъ. Такова была возможная перспектива будущаго. Къ счастью, немногіе ясно сознавали это ужасное положеніе и возможность близкаго мучительнаго расчета съ жизнью. Да и они еще не унывали, утѣшая себя надеждой на близость рѣки и существованіе колодець съ водой. Дѣятельность кипѣла въ отрядѣ. Вокругъ холма рыли ровъ и насыпали около него валъ, съ цѣлью придать Халаата видъ крѣпости и устроить тутъ складочный пунктъ для части провіанта, который цѣликомъ не было возможности поднять въ дальнѣйшій путь. Верблюды, освобожденные отъ этого провіанта, предназначались для того, чтобы забрать съ собой побольше воды на дорогу. Наконецъ крѣпость около холма Халаата, жалкая и смѣшная для европейца, но неприступная для азіата,—была кончена и освящена подъ громкимъ именемъ укрѣпленія св. Георгія. 28-го апрѣля утромъ отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, и въ 5 час. вечера того же дня выступилъ авангардъ отряда изъ нѣсколькихъ ротъ, трехъ или четырехъ сотенъ казаковъ при четырехъ орудіяхъ. Мы распростились съ товарищами, проводили ихъ

и сами пошли готовиться къ выступленію изъ Халаата на слѣдующій день. Мы съ такой радостью собирались покинуть навсегда это проклятое мѣсто, что насъ не смущала даже мысль о будущемъ возможномъ и ужасномъ.

Вѣтеръ какъ будто смиловался на прощанье и затихъ къ вечеру. Тяжелымъ раскаленнымъ шаромъ закатывалось солнце и обливало краснымъ зловѣщимъ свѣтомъ пустыню. Утомленные возней съ вещами и укладкой, мы напились чаю, поужинали, чѣмъ кто могъ, и перекидываясь то шутками, то предположеніями и соображеніями о томъ, что ждетъ насъ впереди—наконецъ заснули на своихъ незатѣйливыхъ песчаныхъ постеляхъ.

Рано утромъ, 29-го апрѣля, насъ разбудили извѣстіемъ, привезеннымъ казаками изъ авангарда. Извѣстіе это гласило, что авангардъ, пройдя верстъ шестнадцать, въ сумерки встрѣтился съ хивинцами. Дѣло произошло такъ. Колонновожатые, подполковники И. и Т. съ четырьмя казаками и пятью или шестью киргизами-вожаками, двигаясь по трое впереди отряда и не предвидя возможности встрѣчи съ неприятелемъ, незамѣтно отдѣлѣлись впереди версты на полторы. Вдругъ въ сумерки, неожиданно изъ-за песчаныхъ бугровъ выскочила шайка хивинскихъ всадниковъ, человекъ въ полто-

раста и съ криками: „уръ, уръ“, *) въ одну минуту окружила ихъ со всѣхъ сторонъ. Наши не потерялись, быстро спѣшились по командѣ Н. А. И., и началась перестрѣлка. Хивинцы нѣсколь-ко разъ бросались въ атаку, но, встрѣчаемые пу-лями казачьихъ винтовокъ и револьверовъ каждый разъ отступали назадъ, и начали въ свою очередь палить въ нашихъ изъ своихъ „мултуковъ“. **) Лошади вырвались изъ рукъ киргизовъ, испуганныя громомъ выстрѣловъ, и нѣкоторые убѣжали въ степь. Возясь съ лошадьми, одинъ изъ киргизовъ, нашъ лучший проводникъ, отдѣлился отъ кучки и тотчасъ же былъ зарубленъ хивинскими клыча-ми ***) , прежде чѣмъ успѣли его спасти. Какъ ни храбро держались наши, но положеніе семи, восьми человекъ среди массы нападающихъ съ каждой ми-нутой становилось отчаяннѣе. Оба офицера, два ка-зака и одинъ киргизъ были уже ранены хивински-ми пулями; остальныхъ каждую минуту ожидала та же участь. Къ счастью въ двигавшемся отрядѣ за-мѣтили огоньки выстрѣловъ, и еще не понявъ въ чемъ дѣло, одинъ казачій хорунжій съ восемью ка-

*) По тюркски значить „бей, бей.“

**) Мултукъ по тюркски—ружье.

***) Клычъ—кривая азіатская сабля.

заками понесся впередъ полнымъ карьеромъ. Подскакавъ ближе и убѣдясь въ томъ, что это дѣйстви-тельно нападеніе, казаки прихлестнули коней и съ крикомъ: ура! врѣзались въ толпу хивинскихъ всадниковъ; тѣ, озадаченные внезапною нападенія казаковъ и не разсмотрѣвъ ихъ ничтожнаго числа, разступились въ стороны, чѣмъ дали казакамъ возможность соединиться съ осажденными. Началась усиленная перестрѣлка. Хивинцы сдѣлали еще попытку напасть, но были снова отбиты, и замѣтивъ, что уже отъ отряда бѣгутъ къ мѣсту боя стрѣлки, пустились на утекъ. За ранеными изъ Халаата немедленно была послана кибитка. Вѣсть о стычкѣ облетѣла стрѣлой весь лагерь. Казаковъ замучили распросами. Все ожило, зашевелилось. Да и какъ было не оживиться всѣмъ. Почти два мѣсяца шли по степи, не встрѣчая души человѣческой. О хивинскихъ полчищахъ не было ни слуху, ни духу. И вотъ, наконецъ являются они на сцену. Починъ полю есть, сказалъ бы охотникъ. Кампанія началась, слышался военный терминъ въ лагерь, и радость сіяла на всѣхъ лицахъ, отъ генерала до солдата. Не жажда крови, боя, смерти видѣлась въ этой радости, нѣтъ, скорѣе жажда жизни, потому что, если хивинскія войска были такъ близко отъ насъ, то слѣдовательно или въ степи есть вода, или же близко сама

Аму-Дарья. Кто испыталъ хоть разъ жажду, тотъ пойметъ, что значили для насъ эти предположенія. Они сразу разрушили опасеніе ужасовъ нашей гибели въ безлюдной степи, подъ палящими лучами южнаго солнца. Часовъ въ 11 утра привезли раненныхъ: Н. А. И., двоихъ казаковъ и киргиза. Н. А. И. былъ раненъ легко въ ногу и руку. Одинъ казакъ тоже. Но другой казакъ и киргизъ получили очень опасныя раны, отъ которыхъ потомъ первый и умеръ. Нечего говорить какое участіе возбудили раненные и какъ сильно ихъ утомили докучливыми распросами о битвѣ. Такъ прошелъ весь день и выступленіе отряда по случаю всего этого было отложено до слѣдующаго дня. Тихая холодная ночь наступила на Халаата, наша послѣдняя ночь въ этомъ притонѣ вѣтра. Весь лагерь заснулъ богатырскимъ сномъ.

Въ 3 ч. утра, еще за-темно, 30 апрѣля заиграли подъемъ. Началась суетня и толкотня по лагерю; все вьючили, привязывали. Отвратительный ревъ нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ огласилъ окрестность. Словомъ, совершилась сцена подъема степнаго отряда изъ ночлега, — сцена знакомая и пріѣвшая намъ, но тѣмъ не менѣе крайне оригинальная и пожалуй красивая. Часу въ пятомъ вьючка кончилась, роты и казачьи сотни заняли свои мѣста,

верблюжий транспорт вытянулся, подавъ сигналъ къ походу и только-что разсвѣло — отрядъ тронулся въ путь.

Торная дорога въ нѣсколько параллельныхъ верблюжьихъ тропъ прихотливо изогнутой лентой пролегла по степи между песчаными барханами *), нагроможденными вѣтромъ въ видѣ невысокихъ валовъ, словно волны въ бурю на морѣ. Какъ гигантская змѣя двигался отрядъ по изгибамъ дороги. Блескъ штыковъ и орудій смѣнялся пестрыми выюками верблюжьяго каравана, а за ними снова блесгли штыки, бѣлѣлись рубашки солдатиковъ и пестрѣли вдали казачьи сотни. Красивую картину издали представлялъ отрядъ растянувшійся по тропѣ версть на пять. Между тѣмъ солнце уже поднялось и начало жечь немилосердо. Жаръ наступалъ быстро, песокъ накалялся. Въ воздухѣ стояла тишина мертвая; на небѣ ни облачка. Часовъ въ 9 достигли мы мѣста побоища. Двѣ убитыя хивинскія лошади валялись у дороги. Уши и хвосты ихъ были обрѣзаны хивинцами. Говорятъ, что эти вещественные знаки представляются правительству для того, чтобы получить вознагражденіе изъ казны ханской за убитую въ бою лошадь. Пройдя еще нѣсколько

*) Барханъ — песчаный холмъ.

верстѣ, часовъ въ 10, было получено приказаніе остановиться на приваль. Мы расположились у дороги, разсѣдлали лошадей и прилегли въ ожиданіи транспорта. Часа черезъ полтора подошли наши верблюды; наскоро разбили мы кое-какъ полотно палатки и наши повара принялись застряпню. Запылали саксаульные *) костры, распуская черный густой дымъ по воздуху, закипѣли чайники и, черезъ четверть часа отпаривъ высохшія гортани чаемъ на вкусной халаатской водѣ, подкрѣпившисьстряпней изъ разныхъ консервовъ, нельзя сказать, чтобы очень вкусныхъ,—мы растянулись на песокъ и крѣпко вздремнули, несмотря на жгучіе лучи солнца. Часа въ три отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь. До вечера намъ предстояло пройти еще болѣе двадцати верстѣ до Адамъ-Кирылгана. По извѣстіямъ, полученнымъ ещѣ вчера изъ авангарда, оказалось, что отъ Халаата до Адамъ-Кирылгана сорокъ три версты; авангардъ нашель на послѣднемъ неглубокіе колодцы съ водой и саперы принялись рыть новые. Чѣмъ дальше подвигались мы отъ Халаата, тѣмъ песчанѣе и песчанѣе становилась степь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и растительность становилась богаче. Всюду на песчаныхъ барханахъ вид-

*) Сапедревникъ.

видѣлись кусты *саксаула*, съ длинными, свѣжими темно-зелеными листьями, тонкими нитями, словно иглы нашихъ хвойныхъ деревь, висѣвшими на корявыхъ вѣткахъ; въ перемежку съ *саксауломъ* росли закругленные кусты *кизилъ-агачъ* *), усѣянные мелкими красивыми розовыми и желтыми цвѣточками. Словно плакучія ивы виднѣлись мѣстами деревца *куянъ-сююка* **) съ узкими свѣтло-зелеными листочками и цѣлыми кистями красивыхъ мелкихъ лиловыхъ цвѣтовъ. *Ичкашеры* и другія степныя ящерицы безпрестанно сновали по песку, пестря его поверхность красивыми узорами слѣдовъ. Тамъ и сямъ подъ корнями кустовъ виднѣлись норы сусликовъ, хомяковъ, тушканчиковъ и другихъ грызуновъ, которыми такъ богаты степныя пески. Жуки катали шарикъ верблюжьяго и лошадинаго навоза, клали въ нихъ свое яичко и зарывали въ песокъ, гдѣ броженіе навозной массы, развивая теплоту, вызывало въ яичкѣ жизнь и развитіе зародыша личинки жука.

Отрядъ, изнуренный длиннымъ переходомъ по

*) *Кизилъ-агачъ* — значить красное дерево; этимъ именемъ зовутъ киргизы одну группу степныхъ кустарниковъ, неимѣющихъ ничего общаго съ настоящимъ красивымъ деревомъ.

**) *Куйанъ-сююкъ* — значить заячья пасть. Такъ зовутъ киргизы одно красивое дерево, изъ семейства губоцвѣтныхъ, за его ломкость.

сыпучимъ пескамъ, растянулся на нѣсколько верстѣ и медленно подвигался по степи. Стало уже сильно вечерѣть. Налѣво, вдали среди баркановъ показался невысокій гребень холмовъ, за которыми, какъ говорили, и есть колодцы Адамъ-Кырылганъ. А пески становились все сыпучѣе, песчаные холмы круче и выше. Растительность снова порѣдѣла. Быстро наступали короткія южныя сумерки, а мы все еще шли и шли. Наконецъ, въ совершенной темнотѣ добралась голова колонны до колодцевъ, гдѣ виднѣлись костры нашего авангарда. Нечего говорить, что у добрыхъ сотоварищей мы, усталые отъ труднаго перехода и изсушенные жаромъ, нашли готовымъ лучшее степное угощеніе — стаканъ чая на прѣсной и вкусной водѣ изъ колодцевъ Адамъ-Кырылганъ. Только на разсвѣтѣ пришелъ на мѣсто верблюжій транспортъ, мы разбили свои юрты и легли измученные до-нельзя послѣ цѣлыхъ сутокъ бодрствования и тяжелаго труда. Проснувшись уже подъ вечеръ 1-го мая, я пошелъ осматривать окрестности лагеря. Пройдя почти тысячу верстѣ по степямъ отъ Казалы, я не видалъ однако же ни въ Кызыль-кумахъ, ни въ Джаманъ-кумахъ ничего подобнаго той картинѣ, которая открывалась передъ моими глазами теперь. Съ вершины высокаго песчанаго бугра во всѣ стороны виднѣлась сплошная площадь

желтоваго-бѣлаго сыпучаго песку, совершенно лишеннаго всякихъ слѣдовъ растительности, навороченнаго высокими крутыми буграми въ перемежку съ глубокими котловинами. Высокія волны песчанаго моря, рядами уходили вдаль насколько хваталъ глазъ. Я взглянулъ въ бинокль и онъ мнѣ не помогъ открыть берега этого мѣртваго, сухаго моря—Адамъ-Кирылганъ. Да, кличка по шерсти дана. Никакая жизнь невозможна здѣсь, думалъ я. Гибель всему живому, не одному человѣку, сулятъ эти голые сыпучіе пески, переносимые вѣтрами. А между тѣмъ и въ этой пустынѣ, на этомъ мертвомъ морѣ живаго подвижнаго песка,—потомъ нашлись признаки жизни. Узкія ленты слѣдовъ тянулись по барканамъ—это бѣгали красивые черные жуки съ бѣлыми волосами на подкрыліяхъ. Припомнились мнѣ халатинскія песчанья бури; здѣсь, на Адамъ-Кирылганѣ, на поверхности подвижнаго песка, эти бури по истиннѣ должны быть ужасны. Разказы африканскихъ путешественниковъ о караванахъ, засыпанныхъ пескомъ въ пустыняхъ Сахары, не казались мнѣ теперь, на Адамъ-Кирылганѣ, черезъ-чуръ преувеличенными. Къ счастью нашему погода стояла тихая и ясная.

Солнце, закатываясь, обливало степь золотисто-желтымъ цвѣтомъ, что обѣщало хорошую погоду.

Быстро прошли сумерки и ночь тихая, холодная смѣнила жаркій степной день. Мы разбрелись по кибиткамъ, поужинали и залегли спать. Переходъ отъ Халаата былъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ и для людей, и для выючныхъ животныхъ. Верблюды по дорогѣ падали сотнями. По этому на завтра назначена была дневка на Адамъ-Кирылганъ.

Вотъ почему меня сильно изумилъ бой барабановъ и звуки рожковъ, раздавшіеся въ лагерѣ передъ разсвѣтомъ. Странно, это не знакомый сигналъ подъема,—нѣтъ. Барабанъ билъ какъ то тревожно, рѣзко; а рожки наигрывали какой то веселый, задирающій мотивъ.

Да, это тревога, проговорилъ проснувшійся товарищъ по кибиткѣ.

И вслѣдъ за его словами дѣйствительно раздались почти что разомъ два выстрѣла. Одѣвшись кое какъ, мы выскочили изъ кибитки и побѣжали въ сторону выстрѣловъ. По окраинѣ лагеря шло тревожное движеніе. Стрѣлки и линейныя роты строились вокругъ въ каре. Въ цѣпи шла перестрѣлка. А дальше, въ полутьмѣ разсвѣта, шаговъ за тысячу отъ насъ, по барханамъ двигались взадъ и впередъ какія то неясныя фигуры, изрѣдка блестяль тамъ огонекъ, а затѣмъ доносился къ намъ звукъ глухаго выстрѣла. Рѣзкій, гортанный крикъ повременамъ

прокосился надъ барханами. Наши стрѣлки время отъ времени посылали туда пули изъ своихъ берданокъ. Ночь была страшно холодная, и зубы стучали у меня какъ въ лихорадкѣ. Все свѣтлѣе и свѣтлѣе становилось вокругъ. Фигуры, сновавшія вдали по барханамъ стали отчетливѣе обрисовываться на горизонтѣ. Вотъ удалый джигитъ *) на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, въ высокой черной шапкѣ птицей носится съ бархана на барханъ. Онъ что то кричитъ своимъ, очевидно, это начальникъ, обозрѣвающій своихъ нерѣшительныхъ воиновъ и заклинаяющій ихъ именемъ пророка броситься на невѣрныхъ *кафировъ уруссовъ*. Перестрѣлка оживилась съ разсвѣтомъ, но разстояніе до хивинцевъ было не подь силу даже бердановскому штуцеру. Холодъ прогналъ меня, и придя въ кибитку, съ цѣлью надѣтъ полушубокъ, я упалъ на постель и въ минуту уснулъ, какъ убитый. Перестрѣлка, какъ я узналъ послѣ, кончилась скоро, и Хивинцы, видя неудачу своего нападенія, скрылись. 2-е мая прошло безъ особыхъ приключеній. Мы отдыхали и собирались съ силами, чтобъ выступить завтра... Куда? этого никто не зналъ. По поводу этого *куда* невольню находило раздумье. Надежда на близость Аму-Дарьи.

*) Назидникъ.

принесенная намъ на Халаата извѣстіемъ о первой стычкѣ съ Хивинцами послѣ труднаго перехода къ Адамъ-Кирылгану уступила мѣсто невеселому сомнѣнію. Надежда найти воду на этихъ болотцахъ оправдалась. Но дальше по всѣмъ извѣстіямъ вплоть до Аму-Дарьи не было ни капли воды. Между тѣмъ наши перевозочныя силы уменьшались съ каждымъ часомъ. На переходѣ отъ Халаата до Адамъ-Кирылгана отрядъ потерялъ около тысячи {четыре}сотъ верблюдовъ, осталось ихъ на лицо не больше трехъ съ половиной тысячъ, по большей части изнуренныхъ голодомъ и дорогой, съ обитыми, окровавленными спинами. А если до рѣки сто или больше верстъ? Тогда.... увидитъ ли кто нибудь изъ этихъ пяти тысячъ человѣкъ желанную Аму-Дарью? здравый смыслъ отрицалъ возможность такого факта, и передъ нами вставала роковая диллема быть или не быть.

Въ два часа ночи 3-го мая проиграли сигналъ вьючиться. Бывало вьючка занимала часъ, много два; теперь же дѣло шло такъ медленно, что отрядъ тронулся едва, едва около семи часовъ. Солнце жгло уже сильно и можно было предвидѣть одинъ изъ тѣхъ тихихъ дней, когда жаръ и пыль становятся рѣшительно невыносимыми. Пройдя версты три, четыре мы выбрались изъ голыхъ Адамъ-Кирылганскихъ песковъ. Барханы, стали ниже и отложе;

снова появились кустарники *сансуджа*, *арбастыкса*, *кызыл-авалей* и *кызыл-сююма*. Песокъ, цементированный перегноемъ растительности, былъ плотнѣе и нога не вязла уже такъ глубоко. Дорога извивалась между барханами, врѣзываясь глубокимъ русломъ въ рыхлой песчаной поверхности степи. Я ѣхалъ впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ за колоновожатымъ, съ цѣлью повысмотрѣть степныхъ звѣрковъ и другихъ животныхъ, пока движеніе массы отряда не разогнало ихъ по норкамъ. Солнце жгло немилосердно. Безпрестанно приходилось прикладываться къ флагѣ съ водой, что висѣла на лукѣ сѣдла; при чемъ и въ голову какъ то не приходило: а ну какъ это послѣдняя капля, за которую скоро можетъ быть придется заплатить дорого, дорого, цѣною жизни. Былъ уже одиннадцатый часъ утра— скоро слѣдовательно приваль. Отъ караванной дороги, по которой мы двигались, вправо отдѣлилась узкая, едва замѣтная верблюжья тропка. Одинъ изъ киргизовъ, поравнявшись со мной, остановился и, указывая рукой на тропу, забормоталъ но своему. „Алты-Кудукъ якынъ, биръ тамъ субаръ, вонъ су.“ *) Убѣжденный, что нѣтъ воды нигдѣ кругомъ, я не

*) Шесть колодцевъ, близко, версть восемь, вода есть, много воды.

потерять силу стеной и не обратилъ вниманія на его заявленіе, что сдѣлали и другіе, къ которымъ онъ обратился съ тѣмъ же. Между тѣмъ извѣстіе было вполне вѣрно, и эти колодцы, какъ увидимъ ниже, спасли намъ жизнь. Пройдя еще верстъ пять, мы услышали приказаніе остановиться на привалѣ. Я привязалъ лошадь и сѣлъ подъ кустъ въ ожиданіи своихъ товарищей. Вскорѣ подъѣхали они, сообща подыскали мы удобное мѣстечко для привала нашей компаніи, разсѣдлали лошадей и разсѣлись на песокъ, поджидая верблюжій обозъ съ съѣстными запасами и дорогой влагой. Долго такъ пришлось намъ ждать. Не раньше какъ въ часъ показалась голова верблюжей колонны: въ третьемъ часу подошли наконецъ и наши верблюды, которые, надо замѣтить, были далеко не изъ послѣднихъ. Мы успѣли разбить палатку, вскипятить воду и напиться чаю, успѣли приготовить обѣдъ и поѣли, а верблюжій обозъ все еще тянулся мимо насъ по дорогѣ. Усталые верблюды еле двигались, безирестанно ложились и орали благимъ матомъ, когда киргизы и солдатки истощали все средства, чтобы подвигать несчастныхъ животныхъ и заставить ихъ двигаться дальше. Только часовъ въ семь вечера прошли мимо насъ послѣдніе верблюды транспорта и аріергардные роты, утомленные до нельзя, расположились не въ далеки

на привалъ. Очевидно, дальнѣйшее движеніе въ этотъ день было уже невозможно. Между тѣмъ запасы воды, взятые съ Адамъ-Кырылгана, сильно уменьшились. Многіе *турсуки* *) повытекли, въ боченкахъ вода порядочно поусохла; на питье израсходовано ея, какъ оказалось, больше, чѣмъ предполагали. Такъ, что наличнаго запаса хватило бы не болѣе какъ на сутки, вмѣсто рассчитаннаго на четверо сутокъ. Положеніе дѣлъ было критическое. Сухая бѣда наступала со всѣми ея ужасами. Тогда, наконецъ, обратили вниманіе на настойчивыя заявленія киргива Туздубая (о которомъ я говорилъ выше), что недалеко должны быть колодцы *Алты-Кудукъ*. Съ джигитами и казаками отправленъ одинъ офицеръ отыскивать эти колодцы. Уѣхавъ въ сумерки, развѣдочная партія долго блуждала по степи, наконецъ уже поздно ночью колодцы были найдены, и около часа ночи съ вѣстью объ этомъ развѣдчики возвратились въ лагерь. Немедленно поданъ былъ сигналъ къ выючкѣ и выступленію отряда на эти колодцы. Но, увы, выючить многое было не на что, такая масса верблюдовъ погибла на переходѣ съ Адамъ-Кырылгана. Пришлось закопать въ песокъ даже

*) Мѣшки изъ телячьей, или бараньей шкуры, въ которыхъ на югѣ везли воду.

нѣкоторую часть боевухъ снарядовъ. Большая часть офицеровъ начали жечь свои вещи, не имѣя возможности везти ихъ съ собою, оставляя лишь самое необходимое. Иные жгли даже платье, бѣлье, сапоги, оставаясь съ тѣмъ, что надѣто на себѣ. Запылали палатки, кровати, книги и другія вещи; зловѣщая иллюминація освѣтила выступающій отрядъ; пронзительный ревъ и стонъ верблюдовъ, крики погонщиковъ киргизовъ и солдатиковъ, въ которыхъ слышалась невольная злость и отчаяніе, дополняли грустную и тяжелую картину. До колодцевъ было всего восемь верстъ по песчаной, холмистой дорогѣ. Чтобы пройти эти восемь верстъ отряду потребовалось девять или десять часовъ времени. Артиллерійскія лошади едва тащили легкія полевые орудія, колеса которыхъ глубоко вязли въ песокъ. При подъемахъ на бугры приходилось безпрестанно прибѣгать къ помощи людей. Верблюды ложились и падали на каждомъ шагѣ, оглашая воздухъ ужаснымъ отчаяннымъ ревомъ, раздражавшимъ и безъ того возбужденные нервы. Наконецъ, перебравшись черезъ крутые бугры, спустились мы въ довольно глубокую слизистую котловину, гдѣ были колодцы. Воюреки названію *Аты-Кудукъ* (шесть колодцевъ), ихъ было меньше, а вода нашлась только въ трехъ— и то дрянная, затхлая, и горьковато-соленая. Глу-

быва колодець была отъ двѣнадцати до шестнадцати сажень. Мы рады были и тому, что есть хоть какая нибудь вода. Но къ вечеру не замедлило явиться и разочарованіе: оказалось, что воды мало, и не только нечего было думать заpastись ею на дальнѣйшій путь, ея не хватало даже на удовлетвореніе жажды людей отряда. Лошадямъ и верблюдамъ окончательно нельзя было дать ни капли. У колодець шла суматоха и давка. Бѣдные солдатики, изнывая отъ жажды, со всѣхъ сторонъ протягивали къ выкачивавшимъ воду свои манерки и флаги, прося Христа ради, хоть капельку воды, смочить сухую глотку. Одинъ киргизъ верблюдовожатый безъ чувствъ повалился на землю у колодца, обезсиливъ отъ жажды, и едва-едва удалось его напоить и привести въ чувство. Дѣло принимало скверный и опасный оборотъ. Тогда рѣшили немедленно отправить всю кавалерію, всѣхъ офицерскихъ лошадей, часть артиллерійскихъ, всѣхъ верблюдовъ отряда подъ прикрытіемъ двухъ ротъ пѣхоты, обратно на Адамъ-Кырылганъ, съ цѣлью напоить тамъ животныхъ, дать имъ отдохнуть и собраться съ силами. А потомъ взявъ запасы воды съ Адамъ-Кырылгана, привезти ихъ снова на Алты-Будукъ, и уже тогда отряду двинуться немедленно на Аму-Дарью. Благодаря этому разумному распоряженію, непоколебленному

утромъ 4-го мая, недостатокъ въ водѣ на Алты-Кудукѣ миновался и сухая бѣда на этотъ разъ была устранена. Мѣстность, гдѣ мы стояли теперь, представляла тотъ же однообразный видъ песчаныхъ бархановъ, танувшихся рядами, какъ волны, въ не-обозримую даль. Рѣдкіе кустарники покрывали эти пески. День прошелъ также однообразно, какъ и предыдущія наши стоянки. За черту лагеря нельзя было выходить, и я бродилъ лишь по ближайшимъ барханамъ, гдѣ нашелъ много больныхъ чернобурыхъ фалангъ (*бию*, по-киргизски), нѣсколько рѣдкихъ ящерицъ, насѣкомыхъ — и только. Чтобъ разогнать скуку и тяжелое нервное состояніе, вызванное въ людяхъ всѣмъ испытаннымъ нами, вечеромъ велѣно было играть оркестру музыки 3-го стрѣлковаго баталіона. Странное впечатлѣніе производили на нервы аріи и пьесы изъ разныхъ оперъ. Какъ то тяжело, а виѣсть съ тѣмъ и отрадно, въ одно и то же время, было слушать чудные музыкальные звуки, раздававшіеся среди мертвой песчаной степи, выжженной и безмолвной, облитой желтымъ свѣтомъ заходящаго солнца. У колодцевъ раздавалась другая музыка, отдохнувшіе солдатики, забывая всю тяжесть похода, всѣ лишенія его и прошлую усталость, забывъ, что и впереди завтра, послѣ завтра ждетъ тоже, а можетъ быть и хуже, — хоромъ пѣли наши

пѣсни. Такъ однообразно прошло и 5-е мая. 6-го утромъ послали нѣсколько офицеровъ съ казаками осмотрѣть дорогу впередъ на нѣсколько верстъ. Кромѣ того одинъ киргизъ вызвался съѣздить въ одиночку и осмотрѣть путь до самой рѣки. Развѣдочная партія наткнулась на небольшую конную шайку хивинцевъ. Казаки и офицеры бросились на нихъ, одного хивинца зарубили; но живьемъ захватить, *добыть языкъ*, какъ говорится, не удалось. 7-го мая изъ отряда, отправленнаго на Адамъ-Кирылганъ получено донесеніе, что шестаго утромъ, на зарѣ, хивинцы сдѣлали нападеніе на отрядъ, расположенный на колодцахъ, но были отражены нашей пѣхотой съ большою потерей; при этомъ изъ ихъ шайки перебѣжалъ къ намъ одинъ персіанинъ-рабъ. Отъ него узнали, что начальникъ шайки былъ *Садыкъ* (извѣстный агитаторъ и наѣздникъ, игравшій видную роль во время послѣдняго киргизскаго бунта, а потомъ убѣжавшій въ Хиву) и еще какой то хивинскій *тора* (господинъ или самовникъ.) Въ шайкѣ было около 300 киргизовъ и хивинцевъ и столько же туркменъ. Этотъ же персіанинъ сообщилъ первыя достовѣрныя свѣденія о разстояніи до Амударьи, которое по его словамъ было около 60 верстъ отъ Адамъ-Кирылгана.

Въ тотъ же день вечеромъ воротился и нашъ

киргизъ съ Аму-Дарьи, привезшій вѣтку свѣжаго камыша въ удостовѣреніе того, что онъ былъ на рѣкѣ. Эта вѣтка была намъ также дорога, какъ Ною масличная вѣтвь, принесенная голубемъ, только не суша намъ нужна была, а вода, вода и вода, камышъ въ данномъ случаѣ былъ символомъ ея. Нечего говорить, что молодецъ киргизъ былъ щедро награжденъ. По его словамъ, до Аму-Дарьи отъ Алты-кудука было отъ тридцати до сорока верстъ. На самой рѣкѣ, отдѣленной отъ степи невысокимъ краемъ холмовъ Учъ-чучакъ, онъ не былъ, потому что тамъ на этихъ выемкахъ расположилось хивинское войско въ значительныхъ силахъ; но онъ проникъ лѣвѣе къ озеру Сардаба-нуло, составляющему заливъ Аму-Дарьи, гдѣ напился самъ, напоилъ лошадь и сорвалъ вѣтку камыша. Всѣ какъ будто ожили, повеселѣли. Исчезла всякая мысль о возможности гибели въ степи. На Адамъ-Кирылганъ послано было приказаніе набрать воды и приходиться съ верблюдами на Алты-Кудуки. Кавалерія оставлена тамъ и должна была въ одинъ переходъ пройти все пространство до Аму-Дарьи, рассчитавъ свое движеніе такъ, чтобы подоспѣть къ отряду, когда онъ станетъ приближаться къ рѣкѣ.

Когда пришли верблюды, оказалось, что и еще надо бросить нѣкоторую часть тяжестей на Алты-

Кудуки. Поэтому, здѣсь оставлена была часть боевых снарядовъ, артиллеріи и провіанта подъ прикрытіемъ двухъ или трехъ ротъ стрѣлковъ. Остальные двинулись въ путь въ 4 часа вечера 9-го мая. Мѣстность сохраняла все тотъ-же слишкомъ знакомый намъ характеръ бугристыхъ песковъ. Въ этотъ день мы прошли всею верстъ десять, на протяженіи которыхъ легло подъ вьюками до 150 верблюдовъ, и остановились на ночлегъ. Брошенные вьюки велѣно было сжигать, чтобы въ нихъ не было. По дорогѣ валялись разныя вещи, мѣшки съ ячменемъ и сухарями. Чтобы дать людямъ отдыхъ, тревогу велѣно было бить только въ крайности, въ случаѣ дѣйствительнаго и горячаго нападенія. Ночью небольшая шайка подобралась было къ лагерю, но три-четыре выстрѣла, сдѣланные въ цѣпи, прогнали ее и ночь прошла покойно.

Рано утромъ отрядъ двинулся въ дальнѣйшій путь, на которомъ пришлось побросать не мало тяжести; часовъ въ десять остановились на привалѣ, и отдохнувъ часовъ до двухъ, отрядъ пошелъ дальше. Отойдя версты три-четыре отъ привала, замѣтили на горизонтѣ кучку всадниковъ. По мѣрѣ того, какъ мы шли впередъ, эта кучка росла въ числѣ и появились кое-гдѣ по сторонамъ другія группы конныхъ хивинцевъ. Наконецъ, поднявшись и перейдя

нѣсколько высокихъ бархановъ, мы замѣтили вдали на горизонтѣ верстахъ въ восьми три высокихъ холма, — это и были желанные холмы *Уч-чучакъ*, расположенные на берегу Аму-Дарьи. Общая радость распространилась въ усталомъ отрядѣ. Между тѣмъ толпы хивинскихъ всадниковъ заняли весь горизонтъ передъ нами, держась однако внѣ выстрѣла, версты на двѣ отъ нашего авангарда, и постоянно отступая передъ нимъ. Часовъ въ шесть приказано было остановиться на ночлегъ. Помимо того, что и мы-то себя чувствовали лучше, избавившись отъ опасности погибнуть въ степи отъ жажды, вечеръ былъ изъ ряда вонъ хорошъ. Въ воздухѣ чувствовалась влага, которой такъ долго не доставало нашимъ легкимъ, степь была гуще покрыта растительностью, придававшей мѣстности зеленоватый колоритъ, отъ котораго давно отвыкъ нашъ глазъ; вечеръ былъ тихій, ясный, не было того ощущенія сухаго зноя, который отягощалъ и расслаблялъ организмъ. Хивинскіе всадники толпами и кучками сновали впереди по барханамъ. Самые храбрые джигиты подскакивали къ намъ на версту, кричали что-то, и выстрѣливъ, быстро усакивали назадъ. Наши стрѣлки выдвинулись на полверсты впередъ и залегли за кустами и подъ барханами, кучками по три и по пяти человѣкъ, съ цѣлью под-

дѣть ловкимъ выстрѣломъ хивинскаго смѣльчака, неосторожно рискнувшаго приблизиться къ лагерю. Это выходило нѣчто въ родѣ охоты. Но всѣ попытки стрѣлковъ, повидимому, были напрасны, и хивинцы, замѣтивъ ихъ, стали осторожнѣе. Передъ закатомъ солнца грянула зоревая пушка, въ первый разъ въ теченіе всего похода.

Громъ ея выстрѣла, какъ оказалось послѣ, произвелъ сильное впечатлѣніе на хивинокую храбрость. Рожки заиграли зорю; раздалось пѣніе вечерней молитвы. Въ это время въ сторонѣ хивинскихъ полчищъ раздался тоже глухой выстрѣлъ, какъ кажется пушечный, но очень слабый. Солнце сѣло, стало смеркаться и хивинцы потѣшили насъ прелестной иллюминаціей. По всей линіи горизонта версты на пять въ длину зажгли они рядъ костровъ, видимо желая напугать насъ своею многочисленностью. Выстрѣлы въ пѣни продолжали раздаваться тамъ и сямъ. Изрѣдка надъ нашими головами жужжали на полетѣ безвредныя уже хивинскія пули. Намъ было не до нихъ; мы весело ужинали и допивали послѣдніе запасы воды въ видѣ горячаго, солоноватаго чая. Ночь и общая усталость скоро угомонили лагерь. Подъ-утро кучка хивинцевъ натянулась на нашъ секретъ и стрѣлки ссадили одного всадника. Убитый оказался *юзг-башу* (сотникъ). На немъ былъ

темно-красный, бумажный халатъ, черная конусообразная баранья шапка, кривая хивинская сабля и двуствольное плохое тульское ружье. Въ карманѣ у него нашли подзорную трубку.

Рано утромъ, 11-го мая, поднялись мы съ ночлега и въ боевомъ порядкѣ, скучивъ верблюжій транспортъ въ серединѣ, двинулись къ Аму-Дарьѣ. Въ авангардной цѣпи и на правомъ флангѣ стрѣлки отерли пальбу по хивинскимъ всадникамъ, скакавшимъ въ беспорядкѣ впереди и сбоку отряда по барханамъ. Нѣсколько разъ храбрые рыцари собирались въ густыя толпы, кричали: „уръ, уръ“, какъ будто собираясь сдѣлать нападеніе, но сухой отрывистый звукъ выстрѣловъ *берданокъ* и визгъ ихъ пуль скоро охлаждали воинственный пылъ нашихъ противниковъ. Видя неудачу въ авангардѣ, они объѣхали отрядъ справа и хотѣли напасть на аріергардъ, воображая, что дѣло пойдетъ тамъ удачнѣе. Но въ аріергардѣ ихъ встрѣтили линейцы и кромѣ того угостили еще картечными гранатами изъ горныхъ орудій. Это окончательно смутило хивинцевъ, и они послѣшно направились на утекъ, къ Аму-Дарьѣ.

Наконецъ насталъ желанный мигъ, мы выбрались изъ бархановъ; впереди лежала ровная глинистая впадина шириной версты въ три, на лѣво въ ней

синѣло, въ зеленой рамкѣ камышей, озеро Сардаба-Куль; прямо передъ нами невдалекѣ отъ озера стояло полуразвалившееся каменное зданіе — *рабатъ* или караванъ — сарай, построенный давно, по приказанію одного благочестиваго бухарскаго эмира Абдулла-Хана, для богомольцевъ, путниковъ и каравановъ.

За лощиной поднимался ровный, отлогій склонъ холмовъ Учъ-Чучака. Аму-Дарья не было видно за нимъ. По всему склону разсыпано было хивинское воинство. Тутъ была и пѣхота, которая до того не показывалась намъ еще на глаза, да и теперь она, очевидно, не имѣла претензій вступить въ бой, а скорехонько убиралась вверхъ по склону и исчезла въ беспорядкѣ за переваломъ. Около рабата по лощинѣ сновали толпы всадниковъ. Многіе изъ нихъ подскакивали къ озеру, наскоро поили лошадей, и быстро уносились къ рабату. Авангардъ отряда остановился съ цѣлью дать подтянуться транспорту и арьергарду. Стрѣлки, выдвинувшись цѣпью впередъ, открыли огонь изъ берданокъ. Всадники, слышавъ неприятный визгъ пуль, убрались отъ рабата и остановились густой кучей на склонѣ Учъ-Чучака. Наши выдвинули два орудія впередъ, зарядили карточными гранатами и пустили ихъ одну за другой въ толпу. Дѣйствіе гранатъ было эффектно въ выс-

шей степени. Первая граната лопнула у самой толпы. Всадники бросились во все стороны, потому некоторые вернулись, что-то подняли, и вся толпа вскачь двинулась вверх по склону. Вторая граната, лопнувшая сзади ихъ, только прибавила имъ прыти. Не прошло какихъ нибудь 10 минутъ и уже ни одного живаго существа не было на горизонтѣ. Отрядъ двинулся прямо къ озеру. Трудно было рѣшить кто съ большимъ удовольствіемъ пилъ—люди, лошади или верблюды. На предыдущемъ ночлегѣ догнала насъ кавалерія (казацьи сотни), сдѣлавъ безъ отдыха больше 60 верстъ по пескамъ; въ то время какъ мы отпивались на озерѣ, эти сотни, не успѣвъ даже напоить лошадей, были посланы преслѣдовать бѣгущихъ хивинцевъ, и на рысяхъ сдѣлали еще верстъ двадцать.

Напоивъ лошадей, мы поѣхали вслѣдъ за кавалеріей вверхъ по склону Учъ-Чучака. Когда взобрались на гребень, передъ нами открылась чудная картина великой рѣки пустыни—Аму-Дарьи. Ширина ея была отъ 300—до 400 сажень, теченіе довольно быстро, а вода мутна и желто-бураго цвѣта. Богатая зеленая растительность обрамляла ее берега и вмѣстѣ съ широкой лентой воды представляла рѣзкій контрастъ съ окружавшей пустыней, желтой, сожженной солнцемъ, съ рѣдкими кустиками

бѣдной степной растительности. Проѣхавъ версты три, мы спустились по противоположному склону холмовъ на *шугай* (заливной лугъ), лежавшій на правомъ берегу рѣки. Здѣсь, у самой рѣки, расположень былъ обширный лагерь, который только что оставили хивинскія войска. Повидимому они не на одинъ день остававливались здѣсь и давно уже ждали насъ. Весь *шугай* были покрытъ шалашами, сплетенными изъ вѣтвей рѣчныхъ кустарниковъ, прикрытыми камышевыми циновками (чи, по мѣстному названію). Около шалашей разбросаны были остатки одежды, туфли, валялись головки лука, зерна *джугары* (сорго, которымъ кормятъ тамъ лошадей) и риса. Около одного шалаша нашли мы головку и крылья фазана. Посидѣвъ въ лагерь, мы двинулись дальше, къ тому мѣсту, гдѣ казаки настигли переправлявшихся на лѣвый берегъ хивинцевъ. Тѣ уже успѣли ускользнуть и лодки ихъ ушли внизъ по рѣкѣ. Только одинъ *каюкъ* *), съ людьми и скотомъ, застрѣлъ по срединѣ рѣки на мели. Выстрѣлы, сдѣланныя по немъ, не попали въ цѣль, такъ какъ разстояніе было болѣе 1000 шаговъ. Тогда вызвали охотниковъ добратся вплавъ до *каюка*. Подувшій передъ тѣмъ вѣтеръ поднялъ сильную волну на рѣкѣ и предпри-

*) Лодка.

ятіе было тѣмъ опаснѣе, что плыть приходилось противъ вѣтра и волнъ. Однакоже изъ уральцевъ-казаковъ выискалось 14 охотниковъ, къ которымъ присоединился прапорщикъ Каменецкій (послѣ зарубленный въ бою съ туркменами-юмудами 15 іюля). Удальцы поднялись берегомъ вверхъ по рѣкѣ версты на двѣ: разсѣдлали лошадей, раздѣлись сами и бросились вплавь, держась правой рукой за шею лошадей. У четверыхъ усталыя лошади не въ силахъ были плыть и они вернулись, остальные бодро плыли впередъ, то окунаясь съ лошадыю въ воду совсѣмъ, то снова показываясь надъ волнами. Наконецъ чей то сѣрый конь, все время плывшій впереди, вынесъ съ собой казака на отмель. За нимъ по одиночкѣ выбрались туда остальные, и отдохнувъ пошли по отмели къ *каюку*. Замѣтивъ ихъ, хивинцы бросились вонъ изъ каюка и вплавь пустились на утекъ, на противоположный берегъ. Двое вытащили изъ *каюка* корову и ухватившись, одинъ за рога, другой за хвостъ, стали переправляться, при помощи этого живаго поплавка, вслѣдъ за товарищами. Уральцы стащили *каюкъ* съ мели и пригнали его къ нашему берегу. Это была первая военная добыча нашего отряда. Въ *каюкъ* оказалось нѣсколько халатовъ, въ которые еще на рѣкѣ одѣлись озябшіе казаки, двухствольное ружье, ране-

ная лошадь, корова и съ десятокъ овецъ. Въ награду за свой подвигъ казаки получили сто руб. Послѣ того мы воротились въ бывшій хивинскій лагерь и расположились тамъ на ночлегъ и дневку. Послѣ двухмѣсячныхъ странствованій по сухимъ раскаленнымъ песчанымъ степямъ, мы добрались наконецъ до Аму-Дарьи. Кончились самые трудные дни Туркестанскаго отряда, грозившіе не разъ намъ вѣтъ тяжелой, мучительной смертью отъ жажды. Прошла наша сухая бѣда—и теперь, на берегахъ Аму-Дарьи, не страшило насъ будущее.

М. Богдановъ.

1874 г. 5-го мая.
